

Впервые после октября 1917 года вступил в силу российский закон («О реабилитации жертв политических репрессий»), 18 октября 1991 года, безоговорочно осудивший «многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости». Наряду с теми, к кому непосредственно были применены меры принуждения, пострадавшими от политических репрессий официально признаны и «дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, а также подвергшиеся другим ограничениям в правах и свободах в связи с репрессированием их родителей».

В переводе с юридического канцелярита на общедоступный язык заковыченная фраза означает, что государство признало жертвами террора «сверху» не только узников ГУЛАГа, «наказанные народы» и сословия, но и крестьян-«кулаков» вместе с их малолетними детьми.

В этой части закон ясен. А вот речевой оборот «другим ограничениям в правах и

этой семьи избирательного права.

Трудолюбивый отец семейства повис на волоске. В довершение к имущественному достатку и лавочке отца он имел за печальную судьбу шолоховского Григория Мелехова, в 19-м дослужился до подпоручика в армии адмирала Колчака, затем, правда, перешел на сторону красных, но в те времена такое лыко вполне могло лечь в строку приговора «революционного правосудия».

Лоскутовых выбросили из дома, отобрав имущества на сумму в 8240 рублей в ценах тех лет, и после поры бродяжничества и скитаний семья поселилась в избушке в деревне Поросино.

А в пустую дедову лавку, где осталась только никому не нужная долговая книга, вселилась семья колхозников Петраковых.

Череда смертей началась с деда Руфины Дмитриевны. Он умер в 36-м. В 38-м ушла из «новой жизни» мама, Пелагея Ивановна. Отец работал грузчиком, жаловался на произвол в разные инстанции, и в итоге семья была восстановлена в избирательных правах, но о возврате имущества речь даже не заходила. Люди боялись

ВКорнилова, жительница Томска-7. Пре-тендует на эту собственность и сын Елены Михайловны НПетраков, проживающий в соседней деревне Быково.

Во второй половине, согласно справке, подписанной 30 марта 92 года заместителем главы администрации Зоркальцевского сельсовета Т.Кантуевой, прописан и проживает Степан Ефимович Кряжев. За ним же числятся 30 соток земельного участка. А вот по справке от седьмого мая 92 года за подписью управляющего делами Зоркальцевского сельсовета Г.Непомнящих тот же Кряжев по документам проживает в другом доме, а за пользование землей и страхование домовладения, о котором в статье ведется речь, плату полицейским счетам никогда не вносил.

По данным Р.Лоскутовой, фактически в одной половине дома с 82-го года обитает С.Кряжев, а во второй, до нынешней весны жил В.Тулев. Во время дачного сезона в дом приезжают жители Томска-7 из числа родных Петраковых и С.Кряжева, который выполняет функции хозяина и сторожа одновременно.

В такой обстановке и решилась Руфина Дмитриевна прибегнуть к помощи Закона. И судя по всему, движет ею не корысть. В случае судебного решения в ее пользу единственная прямая наследница родительского имущества планирует отдать дом под реабилитационный центр для инвалидов, а сама хочет поселиться в одной из комнат и помогать обездоленным своими трудом.

Итак, истец Лоскутова подала иск в Томский районсуд как ей и порекомендовал глава районной администрации Г.Мильто, которому нужно законное основание, чтобы в условиях правовой неопределенности вынести решение.

Предстоящий процесс имеет важное значение, ибо создаст прецедент для разрешения подобных проблем. А их уже сегодня накопилось немало. Общая трудность в том, что между жертвами репрессий и властью существует буферный слой это люди, вступившие во владение незаконно отобраным имуществом. Роль тех, кто справлял новоселье у не оставших после высылки односельчан очагов выгладит в моральном отношении весьма незавидно. Но закон говорит лишь на языке строгих юридических категорий, и только он может подсказать выход из казусного положения.

Жаль, руководствоваться суду придется скорей положениями гражданского права, чем Законом «О реабилитации жертв политических репрессий», в котором вместо строгой регламентации имущественных вопросов содержится лишь общие декларации и свобода по-своему понимать его букву и дух. Так или иначе, правосудию придется не разубиить, а распутывать этот гордиев узел.

Николай КАЩЕЕВ.

НА СНИМКЕ: опасная семейная реликвия, которую дочь полкаха хранит в память об отце: подпоручик колчакской армии Дмитрий Лоскутов.

ИСТЕЦ — НАСЛЕДНИЦА «РАСКУЛАЧЕННОГО»

ТБ 12 августа 92

свободах» оставляет простор для толкования. В нем есть элемент недоговоренности, и появился он неспроста. Дело в том, что бесчинства «раскулачивания» сопровождались обязательным лишением крестьян львиной доли их имущества. «Ликвидация кулачества как класса» имела теоретическую базу, которая предполагала обобществление хозяйского добра в пользу колхозов и бедноты. Это партийное мероприятие шло в активных формах с октябрьского переворота вплоть до 37-го, когда доламывались хребты последних послушников, тех, кто оказался вместе с семьями на сырьеноселении в тайге и болотах, но и там сопротивлялся коллективизации.

Лишь после августа 91-го кампания раскулачивания официально признана преступлением, которое лежит на совести большевистского государства. По логике вещей отсюда следует, что юридические термины «экспроприация» и «конфискация имущества» — фиговый листок для прикрытия открытого грабежа крестьянства. А коли был грабёж, то остается ждать, что осужденный преступник будет обязан вернуть своим жертвам хотя бы то, что не успел спустить и промотать. Так бы и было, будь грабитель физическим лицом. Но в роли преступника оказалось государство. А если точнее, то в ответчики попал правопреемник и наследник коммунистической державы — новая власть, стыдящаяся кровавой биографии своего предка, но по экономической и нравственной слабости не очень-то спешащая заглянуть перешедшие к ней грехи предшественника.

А теперь в пору от общих соображений перейти к истории семьи Лоскутовых, корнем из деревни Коломиново Томского района, о которой мне поведала Руфина Дмитриевна Лоскутова, хранительница фамильной памяти этого крестьянского рода. Она родилась в 30-м в семье колхозника Дмитрия Федоровича Лоскутова. Кроме родителей, в семье было четверо детей и дедушка Федор Елизарович, имевший торговую лавку и пасеку. Хозяйство имело пять коров, три лошади, свиней, птицу. Семья располагалась в двух домах, один из которых был двухэтажным. В начале 30-х Лоскутовы приютили у себя и большую татарскую семью, сдернутую с места в ту смутную годину.

То ли коллективизация в Коломиново шла по-особому, то ли по каким-то другим причинам, но обеспеченная жизнь семейства продолжалась аж до 33-го, когда правление колхоза «Верный путь» исключило Дмитрия Лоскутова из колхоза, а собрание местной бедноты отнесло Лоскутовых к «явно эксплуататорским» и лишило членов

помогать изгоям, и лишь редкие смельчаки вроде соседа — дедушки Иноземцева — оказывали иногда поддержку несчастным лишенцам. Выручал семью старший брат Вениами. Одаренный паренек подрабатывал грузчиком, а в свободное время рисовал на продажу пейзажи и портреты.

В 41-м отца призвали в армию, и в декабре того же года он пропал без вести. Вениами пошел на фронт добровольцем, дослужился до помощника командира взвода и погиб в 44-м, когда ему было восемнадцать с половиной лет от роду.

Тем временем для трех других детей из семьи Лоскутовых начался кошмар беспризорности, о котором Руфине Дмитриевне даже вспоминать тяжело. И все же она прожила жизнь достойно. В 55-м ее младший брат вернулся в Томск со срочной армейской службы тяжелым инвалидом, и она ухаживала за ним до самой его смерти в 84-м, так и не создав собственной семьи. Ныне Руфина Дмитриевна — работающая пенсионерка. Двадцать два года она отдала Томскому радиотехническому заводу, имеет медаль «Ветеран труда», массу грамот и благодарностей. Всех своих братьев и сестер она пережила.

До 84-го женщина не решалась даже побывать в родной деревне, где похоронены ее близкие. Но время все переничивает, и на место прежнего страха пришли тоска и горечь. Однажды Руфина Дмитриевна собралась с духом и поехала в Коломиново.

Отчий дом 1860 года постройки обветшал и врос в землю на один этаж, а избу-пятитенек, где была дедова лавка, разобрали и перевезли в другую деревню. И все же умереть одинокая Руфина Дмитриевна захотела в родных стенах.

В 90-м, после Указа М.Горбачева «О восстановлении прав жертв политических репрессий 20-х — 50-х», она обратилась в Зоркальцевский сельсовет, на земле которого находится родительский дом. К этому шагу просительницу подтолкнула не только память сердца, но и трудные жилищные условия: живет она на 17 квадратах вместе с семьей племянницы из трех человек.

История вышла долгая и продолжает-ся поныне. Естественно, первый и самый важный вопрос: а кто сейчас владеет домом? Вот тут и начинается разноречие. В одной половине дома никто не прописан и постоянно не проживает, хотя в постановлении главы местной администрации Г.Мильто указано, что после смерти в 89-м жившей в доме Елены Михайловны Петраковой землей и половиной дома пользуется без оформления документов ее внучка